

НА РАЗВИЛКЕ ДОРОГ

В СЯКОГО, кто вперва знакомится с творчеством Башкирского академического театра, не может не удельсь несомненной одаренности коллектива, умение расцветить даже весьма посредственным пьесу, безупречная естественность игры, яркие артистические индивидуальности. Но когда встречаешься с Башкирским академическим театром чаще, начинаешь относиться к нему требовательнее, думая о его нераскрытых возможностях, о перспективе развития.

В Башкирии, как и в некоторых других республиках, порой заменяли правду крупных идей и художественных обобщений правдой занятых частностей и точно передаваемых подробностей быта, иногда нового, нередко старого. Детали эти раскрываются по сцене изычными, но бесцельными красочными инкрустациями или же влетают в постановки яркими частностями национального орнамента, призванного ласкать глаз, радовать знакомостью узора, близкого сердцам зрителей, не более того. Сюжеты веселые, забавные или трогательные канализовались на тонкие нити немыслимого сюжета вперемежку с песнями, танцами, развернутыми обрядовыми эпизодами. Многие пьесы оборачивались бесхитростными обобщениями, где почти любая сценка была бы обязательной, но все-таки производила впечатление достоверности, вызвала смех, либо умиление.

Пьесы-обозрения «прославлялись» в репертуаре семейно-бытовыми драмами. Здесь многое тоже было как будто из жизни: мужья уходили от жен, жены тиготились мужьями — факты прискорбные, но сами по себе лишенные какой бы то ни было философии. Душещипательные ситуации не радовали, разумеется, свежей мыслью, в них, как и в бытовых обозрениях, не было драматургических конфликтов, их заменяли суррогаты — скандалы, недоразумения.

Потребности же зрителей в спектаклях больших страстей и зильных столкновений удовлетворялись в основном драмами на исторические и легендарные сюжеты. В них за редким исключением сикологья героев мало исследовалась. Сквозное действие не было подвоинам течением пьесы, как того требовал Станиславский, а бурлило оглушающим горным потоком, побуждало не выникать в суть и задумываться над ней, а двигаться несомкнутыми чудо-героями и ужасаться воздействиям их врагов. Старое идеализировалось воле-неволею, хотя бы театр и не восхитался им напрямую. На общем репертуарном фоне легендарные храбрыцы очень выделались рядом с нежными мужьями да развеселыми, бездумными ласкунами.

Н О НЕ СЛИШКОМ ли просятраню пишу я об ушедшем? Условно для творчества театров давно уж измывались! Так-то оно так, да ведь не легко бывает изменить укоренившейся привычке.

Об этом думается, когда смотришь новые спектакли Башкирского театра. Он словно вышел на развилок дорог. Попада — одна-единственная, проторенная, известная досконально, до мельчайших выбоин. По какой же двинуться вперед?

Решить нелегко. И замечаешь порой, что театр храбро делает несколько шагов к новому, но вдруг возвращается назад, к привычному. И вновь тогда дробятся художественные идеи спектаклей, действие теряется в маршомождении случайных частностей...

Но, может быть, в этом повинна в первую очередь драматургия? Мне довелось принять участие в их семинаре, познакомиться со многими новыми пьесами, и я убедился, что репертуар Башкирского театра интереснее, чем у некоторых других национальных коллективов. Есть возможность ставить спектакли своеобразные, страстные, доступные. А она, если говорить серьезно, редко появляются...

башкирской сцене. Здесь все еще любящее и тщательное, чем что-либо другое, воспроизводятся привычные бытовые комедии да трогательные мелодрамы. Порой работа театра с автором сводится к тому, что изобретенные приспособления к установленным канонам — его не углубляют соответственно драматургическому замыслу, а как бы раскрашивают. Когда же пьеса требует новых приемов сценического воплощения, режиссура останавливается в недоумении.

Так получилось с талантливой драмой Мустая Карима «Неспелая пьеса». Споры нет, найти ей достойное сценическое решение не так просто: надо искать. А в постановке опытного режиссера В. Галимова как раз поисков-то и не хватало. Все как бывало. А пьеса «какой» в башкирском репертуаре, да и не только в башкирском, не было.

В ней противопоставлены поэтическое отношение к жизни и уныло-мещанское, расчленило-ограниченное. Раскрывается чувство высокой ответственности перед людьми, воздевание в степень постоянного творческого вдохновения, и показывается дотошное рабление перед всем, что может пригодиться для карьеры, старание использовать людей для надежного обеспечения своих удобств. Зоркими глазами, по-новому, увидел поэт и порывы душевной чистоты, и порски, печально наивные, и по-новому облек удивленное в образы.

Партийный работник Дусмет Ярлыкапов придерживается ушедшим в прошлое норм поведения, обычных во времена культа личности, и, разумеется, полагает апрокс. Ярлыкапов, как и его воспитанику журналисту Вазыру, недоступны радости, естественные для человека. За пределами понимания Ярлыкапова и Вазыра остаются большая любовь, простая дружба, увлеченность делом ради него самого.

Главная сложность постановки пьесы Мустая Карима в том, что в ней сквозное и контрсквозное действия долго идут рядом, не сталкиваясь, как будто впрямую. Театр сложность эту не преодолевает, а старается обойти. Поэтому спектакль разнороден, чего нельзя сказать о пьесе: образы героев истинных и фальшивых взяты поэтом с равной степенью художественной концентрации. В обеих сферах действия драматургом найдены образные, выразительные детали. В спектакле же, поставленном в знакомом бытовом плане, рельефы лишь те из них, что этому плану более или менее сродни.

В результате случилось так, что обличие в спектакле значительнее утверждения. Артист А. Мубаряков отлично выявляет характер Ярлыкапова, его бесконечную самоуверенность, ощущение себя непревзойденным авторитетом во всех областях. Вместе с тем играет Мубаряков мягко, тонко, словно не ставшая на том, что ведет роль отрицательного персонажа.

Почему же так недостает именно подробностей — подробностей поэтически-творческого осмысления жизни в исполнении ролей Низама, Яяра? Да потому, что роли эти, по существу, лишены режиссерского решения. Яяра театр зачислял по ведомству положительных разонеров Низама определил восторжен-

ным романтиком, не способным сказать без условной «приподнятости». Разве это написано Мустая Каримом? Да ничего подобного! Хотя, правда, я можно в какой-то степени сетовать на то, что Яяра в пьесе дан бледнее, чем хотелось бы.

Н ОВОЕ громко стучится в двери Башкирского театра! Но допускаясь оно, так сказать, частями, притом время от времени. Свежо, увлекательно была поставлена Ш. Муртазинной чеховская «Чайка». В постановках этого режиссера интересны и поиски художника Г. Ивашевой, и то, как актер отходит от привычных приемов игры.

А. Мубаряков предпринял попытку написать современную психологическую драму — «Вторая молодость». Но сделал это несмысленно — развалил основное действие потешными диалогами традиционных влюбленных пар, вставными бытовыми номерами. Театр утвердил вариант пьесы, где эти явные недостатки (легко, кстати сказать, устранимые) изрядно заслоняли ее достоинства.

Как будто необходимо построил свою комедию «Сельские этюды» А. Мирзагитов: могла возникнуть острая, жизнерадостная сатира с буффонным оттенком, все шло к тому. Когда я был в Уфе, близилась премьера «Сельских этюдов» в том варианте, где самостоятельность замысла находилась под явной угрозой изобилия эпизодов, легко вычленившихся из текста.

Каждый из этих фактов можно было бы принять за случайность, но все вместе...

А новое продолжение стучится в дверь. Показательно, что и старое, отживающее, явится ныне в новые одежды. Известный в Башкирии драматург Н. Асаббаев написал пьесу «Файыз». Ее содержание? Это точно домислите сюжет, если сказать, что речь идет о муже, который бросил свою жену, попал однажды в хищные лапы женщины злобной и корыстной. Но вот ее коварство разгадало, муж страдает, жена страдает, выросла дочь страдает, пока, наконец, общесемейные обычные слезы не скапливаются в такой мере, что пьесу, по мнению автора, пора заканчивать примирением несчастных. Во всей этой истории нет, разумеется, никаких примет современности, кроме тех, что фигурируют во вставных эпизодах. Впрочем, драматург вправе протестовать: а прием? И верно! Взят любопытный драматургический прием, хоть и не совсем оригинальный, но показанный в новом ракурсе. Герон в трудную минуту раздваиваются, вот они в нынешнем качестве, а вот — в юности. Мысль неплоха — проверка своих поступков юностью, но повод для приема столь незначителен, что стилистика пьесы начинает конфликтовать с ее содержанием...

В Башкирском театре ссылаются на зрителей: многим, дескать, нравятся «Файыз». Но ведь театр годами односторонне воспитывает зрительские вкусы. Им тоже свойственна инерция, хотя, следует заметить, далеко не бесконечная. Нельзя долго задерживаться на развилок дорог, где ныне столь оживленное движение. Могут обогатить. Могут пронзить и другие неприятности. Будет обидно. Ведь в Башкирском театре работают прекрасные актеры, квалифицированные режиссеры.

Вл. БЛОК.

УФА—МОСКВА